
18+
ПОЛНЫЕ
ИНОПЛАНЕТЯНЕ

ПОЛНЫЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Роман Бехерев, Марк Портнов

Пьеса, издевающаяся над временем

(Комедийная драма в трех действиях)

Челябинск, 2023

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БАЯН - ректор ВУЗа

НИНОЧКА - его секретарша

КЛАВДИЯ ВИКТОРОВНА БАЯН - его жена

ВОЛОДЯ - ее любовник

АКАКИЙ ЭСМЕРАЛЬДОВИЧ ДУБИНСКИЙ - преподаватель политологии

ЛЮДМИЛА - его жена

ЭСМЕРАЛЬД КОНСТАНТИНОВИЧ ДУБИНСКИЙ - его отец

АРКАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ ТЮТЮШКИН - преподаватель математики

ЭЛОИЗА - его возлюбленная

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УТЮГОВ - преподаватель физкультуры

РЭЙ - преподаватель-взяточник

ЕЛОВ - студент, группа ЛГ-303

СТУДЕНТ (БЕЗЫМЯННЫЙ) - группа ЛГ-303

СТУДЕНТКА (БЕЗЫМЯННАЯ) - группа ЛГ-303

БОРМАТОВ - студент, группа АГ-325

ПОДМАЗЮК - студент, группа АГ-325

КРИСТИНА - студентка, группа АГ-325

СВЕТА - студентка, группа АГ-325

КАТЯ - студентка, группа АГ-325

ЛОЖКАРЕВ - студент, группа АГ-325

СЕРГЕЙ ГАНБОЕВИЧ ЕМЕЛЬКИН - следователь СИЗО «Белая жаба»

ЭДГАР АНТОНОВИЧ БРАТОЗЯТКОВ - служба по взаимодействию с правоохранительными органами

СОЛЕНЫЙ - заключенный

ХИТРОДАЕВ - старший следователь районного отдела

ПРОГЛЯДЯЕВ - младший следователь районного отдела

ГЛАВВРАЧ ТЮРЕМНОГО ГОСПИТАЛЯ (БЕЗЫМЯННЫЙ)

ЗЭК ПО ПАЛАТЕ (БЕЗЫМЯННЫЙ)

ПОЛЯНСКИЙ - отчисленный семь лет назад студент

Оглавление

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

АКТОВЫЙ ЗАЛ

«Мы набрали полных инопланетян! Они даже не могут интеграл взять!»

Громкие крики главных деятелей науки института сотрясают воздух с особой энергией. В актовом зале царит атмосфера как перед казнью. Главные палачи - фигуры Владимира Баяна и заслуженного эксперта по политическому развитию ВУЗа Акакия Дубинского.

Владимир Баян дает слово Акакию Дубинскому.

Дубинский:

Политическое развитие человека определяет естество парадигмы мышления и процессов управления самоорганизацией!

Баян:

Акакий Эсмеральдович, один вопрос. Но приватно! На ушко!

Дубинский:

Да, конечно!

Баян судорожно шепчет на ухо Дубинскому.

Баян:

Вы сами то поняли, что выкинули?

Дубинский:

Конечно, понял! Это же высшая материя!

Баян:

Какая к черту материя?! Говорите по делу! Скажите что-то по поводу безграмотности студентов! По делу, Акакий Эсмеральдович! Не отвлекаемся!

Дубинский кашляет, сморкается в платок на весь зал и начинает повествование.

Дубинский:

Ну, это самое, понимаете ли. Вот было время то, понимаете ли! Наше, так сказать, к примеру, время, допустим-то! Но я-то что сказать хочу, неграмотность студенток при сдаче зачетов… оээкхэ кхэ.. студентов, могу заверить, дикая! Не знают, как банально договориться! Ну, то есть, договорить предложение до конца! Приходится, это самое, подсказывать, что называется, как расстегивать… оээ-кхе-кхэ… расставлять акценты повествования, понимаете ли! Не могут сказать, что такое государство! Вот в наше то время все знали, к примеру! Я как политолог, то точно могу сказать, допустим! И мой тезис, допустим-то, исходит из того, что, в общем-то, в политику таких допускать нельзя! Вот!

Дубинский поднимает указательный палец вверх, мол «вот, все я сказал» и садится на свое место.

Баян, посидев минуты две и отойдя от всего услышанного, поднимается к микрофону и начинает свою часть.

Баян:

Ваша речь полная... Ой кхе-кхе, полный привет всем участникам конференции. Я хочу сказать, что в наше время все было действительное другое. У нас не было ЕГЭ, все по блату, по знакомствам, а щас надо еще заполнять что-то, какие-то буквы, цифры. И наглые они

все еще какие-то, учить пытаются нас, профессионалов дела, так сказать, людей поживших! Как тот студент, которого я выгнал семь лет назад - Полянский!

Вдруг зал слышит оглушающий взрыв... Пытаясь прийти в себя, люди видят фигуру человека в плаще, стоящего на трибуне. Это Полянский! Исключенный студент. Бессменный страх статичности его фигуры резко сменяет злобный смех, раскатывающийся по всему залу.

Полянский спокойно подходит к профессору Баяну и хватает его за горло. Профессор немеет и вскоре перестает подавать признаки жизни.

Полянский удаляется вдаль. Вдруг, атмосфера недовольства студентов сменяется на атмосферу страха. Неужели придуманные институты дороже человеческой жизни...

Но все это всплывает в голове Баяна, как только он произносит фамилию Полянского. Он боится его как смерть с тех пор, как исключил. Студент поистине силен и заткнет за пояс и его, и весь педагогический состав университета. Вытерев со лба пот своим платком, он садится на стул и дает слово преподавателю высшей математики – Аркадию Тютюшкину.

Баян:

Аркадий Сергеевич, пожалста, слово Вам! Как обстоят дела с математической грамотностью?

Аркадий Сергеевич встает, поправляет свой пиджак, который в плечах на три размера больше, чем

он сам, подходит к микрофону и начинает речь.

Тютюшкин:

Ну-с, что сказать, коллеги? Одним словом слабо. Очень и очень слабо. Писали, значит, недавно у меня первокурсники тут одну задачку. Матрицы считать не умеют! А как без матриц то? Вот без них то и никуда! Компьютер то выключится и что будем делать? Вот тебе бабушка и Юрьев день! Общий уровень - низкий! Матрицы то считать не умеют, это они как работать то собрались?

Баян:

Да, конечно, это все удручает, Аркадий Сергеевич. Все очень и очень плохо. Ну, а вы что скажете, Василий Васильевич?

Физрук Василий Васильевич Утюгов резко подходит к микрофону.

Утюгов:

Дохляки все! Надо гнать всех на улицу бегать кросс, играть в футбол, а не компьютеры эти все!

Баян:

Это точно!

Тютюшкин:

Точно это, да!

Дубинский:

Верно, верно, эт самое! Так вот и надо это все!

Утюгов:

Ну, и ваши все эти предметы сократить надо! Столько пар на фиг не надо никому!

Дубинский:

Но это уж позвольте! Не соглашусь, к примеру, с вами тут, не-не! Политика - основа жизни!

Тютюшкин:

А без математики то это ж вообще! Это вообще ж никуда! Везде же, все вокруг - это математика!

Баян:

Да, в самом деле, Василий Васильевич. Все-таки вы перегибаете. Дисциплины нужны.

Утюгов:

Ну, и зачем? Ниче это не надо. Я вон как два

пальца за че угодно поясню вам по математике и политике. Это все из жизни получают, чисто по жизни двигаясь. А по жизни только спортивно, размеренно и с умом двигаться надо и все приложится.

Баян:

Ладно, Василий Васильевич, заканчивайте. Оно конечно верно, что по жизни, но без математики и политики то оно и впрямь никуда.

Тютюшкин:

Вообще не правы вы, Василий Васильич! Математика - это и основа спорта!

Дубинский:

Вот, это самое, да! А политика основа всего!

Кажется, что такая мрачная атмосфера должна смениться смирением и договоренностью. Но у Утюгова пылает злость в груди.

Вообще говоря, Утюгов не всегда был физруком. Двадцать лет назад его, дипломированного физика-ядерщика, уволили с работы. В институте же его обучали устаревшим формулам, которые он даже не применял.

Его место занял сопливый подросток, которого пристроили блатные родители. Несмотря на это, работу он делал лучше, потому что голова не была

забита мусором. С тех пор Утюгов полностью поменял свое видение жизни, и, когда он слышал заявления подобные тем, что только что делали Тютюшкин и Дубинский, он приходил в ярость.

Утюгов:

Да, ваши политики и математики нужны только политикам и математикам! Вы даже не знаете, что и зачем кому надо, просто говорите, как попугаи. Что такое вообще «надо»? Надо в туалет, я иду! Что мне в будущем надо, то и надо, а не ваши эти догмы фундаментальные! Мне нужно знать как устроен фундамент дома, чтоб в нем пиво попить?

Дубинский:

Ну, знаете, скажете то тоже, эт самое! Вот математика то она и может не нужна с политикой, чтоб пива попить, но вот вы и пейте свое пиво, а по себе тут не судите, понимаешь ли!

Утюгов:

Ды вы просто нашли нишу, которая Вам понравилась и думаете, что без этого никуда и никому никак не прожить, и уперлись в это, а жизнь то вокруг разная! Кому-то Ваша политика вообще не упала никуда, кто-то больше любит пива выпить. И что тут плохого? Этот кто-то посмотрит и скажет, что Ваша политика, господин Дубинский, ненужная бурда и будет прав!

Потому что ему оно не надо, у него свое «надо»!

Дубинский:

Что за вздор! Политика, это самое, основа всего мира!

Тютюшкин:

А математика - это основа основ!

Баян:

Так, ладно, тихо все! Василий Васильевич, ваше мнение интересно, но прошу присесть Вас.

Дубинский:

Это вздор, полный вздор! Вот!

Баян:

Акакий Эсмеральдович, вас тоже касается! Тема закрыта на сегодня, собрание окончено!

Тютюшкин:

Ну, так, а каков итог собрания, господин Баян?

Дубинский:

Да, эт самое, хотелось бы знать!

Утюгов:

Да никакого итога, для галочки собрали всех, чтоб потрындеть и все!

Баян:

Господин Утюгов, сядьте и помолчите! Итог, такой, что надо искать талантливых студентов и давать им, скажем, все возможности для реализации потенциала! Во! А все остальные на выброс.

Дубинский:

Во, это верно!

Тютюшкин:

Да, это верно!

Утюгов:

Ну, что ж, тогда приступаем?! Вперед, наставим всех студентов и абитуриентов на путь истинный!

Баян:

Вот, Василий Васильевич! Этот настрой уже, так скажем, лучше! Вперед по занятиям, собрание закончено!

Сцена вторая

ДВОР УНИВЕРСИТЕТА

Утюгов нервно выходит из вуза. Ему смешно, что Баян не понял его сарказма, но общая ситуация удручает его.

За ним выходит Тютюшкин. И, внезапно, им навстречу идет первокурсница. Тютюшкин сразу решает приударить за ней. Он снимает свои очки, оплевывает

их и протирает своим ссаным платком из Фикспрайса. Затем, он достает из правого ботинка зубочистку и выковыривает из зубов остатки чипсов. Наконец, он подходит к мадам.

Тютюшкин:

Право, маркиза, что за чудесная погода нынче на дворе! Как сегодня в лучах утренней зари пылает лысина памятника Ленина! Извольте сопроводить Вас до буффэта и угостить пластмассовым стаканчиком кофэ?

Девушка проходит мимо, оглядывая идиота Тютюшкина искоса.

Утюгов смеется.

Утюгов:

Эх, господин Тютюшкин. Вам же о матанализе думать надо, а вы чем занимаетесь?

Тютюшкин:

А я и вижу по глазам, особа умная! Господин Баян же сказал, искать умных самых! Вот я и ищу!

Утюгов:

Ну-ну… Жену вам надо, Тютюшкин.

Тютюшкин отмахивается и под смешки Утюгова

уходит.

Сцена третья

АУДИТОРИЯ 305

Тютюшкин:

Проститутки! Ублюдки! Наркоманы!

В первый раз студенты слышат такие слова в кабинете математики.

Тютюшкин:

Вы ничего не можете, только как пялиться своим тупым видом! Тошнит от вас!

Смиренная аудитория тонет под грузом оскорблений. Каждый чувствует, что это глубоко его касается. Всех одолевает чувство вины. Тютюшкин играет на струнах чувств, в определенные моменты сжимая их. В этот момент всем хочется провалиться под пол. Какая-то дикая безысходность виднеется впереди этого.

Тютюшкин, понимая, что добил студентов, берет разум класса под контроль и начинает, как падальщик, наслаждаться своей жертвой. Он говорит про изъян каждого, каждого хлещет по совести. Кажется, что это будет продолжаться вечно. И, так и есть, время

становится бесконечным.

Доходит очередь до студента Елова.

Тютюшкин:

Встать быстро!

Тютюшкин повелевает, ощущая свою безнаказанность. Студент сидит.

Тютюшкин:

Я не понял! А ну-ка встал!

В этот момент Тютюшкин ощущает свою полную беспомощность. Он будто попадает в ловушку, все рушится.

Тютюшкин:

Почему ты не стоишь?

Елов:

Почему вы сидите?

Тютюшкин:

Я тебе двойку поставлю!!!

Елов:

Ставьте!

Тютюшкин:

Ах ты скотина такая! Да я ж тебя отчислю!

Елов:

Давайте прям щас!

Он действительно может отчислить из-за его из-за связей с руководством. Но в этот момент он понимает, что его оружие стало стрелять холостыми. Без всякого напряга. Все разрушилось. Как и не было. Это ощущение витает в воздухе.

Тютюшкин:

Да я ж тебя отчислю! Ты пойдешь толчки мыть!

Елов:

У меня свой сайт и он приносит мне прибыль!

Тютюшкин:

Ну, а как ты будешь без образования?

Елов:

Скилбокс закрывать не планируют.

Тютюшкин находится в состоянии агонии. Он понимает, что он не может даже студента проучить. То, что он делает это бессмысленно, никому не надо, это держится только на страхе и обмане. Он начинает сдавать позиции и пытается договориться со студентом.

Тютюшкин:

Скилбокс это хорошо, но нужно и базовые вещи знать.

Елов:

Кому нужно?

Тютюшкин:

Ну как, всем.

Елов:

Зачем? Вы знаете как грибы собирать?

Тютюшкин:

Ну, не совсем…

Елов:

Не знаете этого, а все же дома едите.

Голос Елова вселяет такую уверенность в его одногруппников, что, они начинают выбираться из оков страха. Вдруг встает еще один студент.

Студент:

Отчисляйте и меня!

Тютюшкин начинает паниковать, лицо его становится похожим на эквадорский закат. Он не знает что делать, ситуация выходит из-под контроля. Встает одна студентка и задает вопрос Тютюшкину.

Студентка:

Аркадий Сергеевич, а у вас с женщиной вообще что-то было? Почему вы такой злой?

Тютюшкин хочет сгореть на месте и никогда больше ничего ни слышать, ни чувствовать, ни видеть. Он начинает плакать и убегает восвояси.

Сцена четвертая

ПАРК

(Воспоминание)

Тютюшкин бежит по парку. Вдруг он видит скамейку. Ту самую, около которой двадцать пять лет назад он сделал выбор всей своей жизни. И вспоминает тот день.

Тютюшкин:

Элоиза! Свет моих очей!

Элоиза:

О, мой милый Аркадий!

Тютюшкин:

Элоиза, у меня для тебя новость!

Элоиза смотрит на Тютюшкина широкими влюбленными глазами и замирает от нетерпения. «Он что же, сделает мне предложение?» - думает она.

Элоиза:

Какая же, Аркадий?

Тютюшкин:

Элоиза… Вчерашняя ночь на пляже под лодкой была незабываемой!

Элоиза:

О, да, да!

Тютюшкин:

Даже несмотря на то, что дно перевернутой лодки царапало мне задницу!

Элоиза:

О, да, да!

Тютюшкин:

Но…

Элоиза:

Что это за «но», Аркадий?

Элоиза чувствует неладное. У нее екает сердце.

Тютюшкин:

Мне дают место на кафедре математики.

Элоиза:

Так это же здорово!

Тютюшкин:

Дослушай, Элоиза, прошу! Так, вот, дают место. Конечно, в первое время придется мыть башмаки заведующему кафедры и бегать ему за коньяком в киоск… А кто знает, может быть и за презервативами… НО зато потом меня ожидает то, о чем я мечтал всю свою жизнь! Понимаешь, я посвящу свою жизнь математике! Лучшей из наук!

Элоиза:

Так, а к чему же ты клонишь, Аркадий?

Тютюшкин тяжело вздыхает.

Тютюшкин:

Элоиза, нам необходимо разорвать отношения!

Элоиза плачет.

Элоиза;

Но как же так, Аркадий!?

Тютюшкин:

Элоиза, я все решил! Я посвящу всю свою жизнь науке и потому в ней не может быть место женщине!

Элоиза:

Аркадий… а может ты… гомосек?

Тютюшкин:

Нет, Элоиза! И вчера, как мне кажется, эта теория была опровергнута!

Элоиза:

Аркадий, ну прошу тебя! Не оставляй меня!

Тютюшкин:

Нет! Я все сказал! Прощай, Элоиза!

Сцена пятая

Дом Тютюшкина

(Наше время)

Проходя сквозь воспоминание об Элоизе, Тютюшкин, не замечая, уже подбирается к своему дому. Невзрачное серое здание неприветливо скрипит прогнившей дверью, а местный бомж опять не стесняется справить малую нужду на клумбу.

«Опять кнопка лифта не работает! Дебилы! Все дебилы!»

Тютюшкин входит в свою хибару и без раздумий ложиться в кровать.

«Что теперь делать? Что делать? Вышел ли этот случай за пределы группы? Может меня уже уволили?»

Над городом сгущаются тучи и становится вспыльчивым ветер. В комнату математика уже практически не падает солнечных лучей. Настроение портится.

«Надо как-то снять стресс».

Он наедается жирной пищи, но это помогает ненадолго. Эйфория сразу же уходит. Вдруг его взор ловит хитрая форма подарочного коньяка, стоящего на полочке сверху. Он никогда не пил, потому что не видел в этом смысла, и еще немного боялся эффекта опьянения.

Он наливает чарку и высиживает ее взглядом. Организм не хочет спирта, но стресс давит на его психику. Он осиливает глоток и уже расслабляется в ожидании забвения. Вдруг, как из ниоткуда, является фигура Элоизы. Она стоит в белом платье, словно ей 17 и она на выпускном. В ее облике все человечно, кроме взгляда. Взгляд ее являет собой как бы олицетворение страха Тютюшкина. Тютюшкин сидит и не верит своим глазам, он будто ослеп, будто вылез из пещеры на свет.

Элоиза:

Ты трус! Ты слабак! Ты не мужчина!

Тютюшкин не реагирует на эти слова, потому что понимает, что это правда.

Элоиза:

Ты даже не можешь бороться за свое счастье! Я верила в тебя, а ты побоялся моей любви. Ты не мужчина, слышишь, ты НИКТО!

Тютюшкин будто заново учиться говорить, это похоже на то, когда новорожденный произносит «мама».

Тютюшкин:

Элоиза! Любовь моя! Ну я же хотел заниматься математикой, она мне нравилась. Мне нравится делить столбиком, когда уже давно все пользуют калькуляторы.

Элоиза:

Ты кормил свою гордость! Математик он! У тебя это легко получилась, а все остальное никак не шло! Вот ты и выбрал математику. Пошел по легкому пути. Если бы тебе легко далась автомеханика, ты бы доказывал с пеной у рта, что это самое важное и важнее нету.

Тютюшкин:

Элоиза! Ты меня бьешь прямо в сердце! Я же любил тебя, зачем ты все это говоришь, милая?

Элоиза:

Ты обменял меня, мою любовь, мои чувства и веру в тебя на тщеславие якобы великого умного человека! Ты даже сейчас не сможешь совершить ПОСТУПОК, ты даже не извинишься перед студентами, которых двадцать пять лет мучаешь, у тебя кишка тонка!

Тютюшкин:

Элоиза, я извинюсь! Я тебе обещаю!

Элоиза испаряется, а Тютюшкин медленно отключается.

Сцена шестая

ИНСТИТУТ. КАБИНЕТ БАЯНА

Утром Тютюшкин кое-как доползает до вуза в состоянии жесточайшего похмелья.

Тютюшкин решает, что должен извиниться перед Баяном за то, что убежал с пары, а на перед студентами, как сказала ему воображаемая Элоиза.

«Ну, что только на пьяный ум не взбредет», - думает он.

Он доходит до кабинета Баяна, проверяет дыхание и убеждается, что оно просто убийственное, после чего стучится.

Баян:

Да-да, входите! Прошу!

Тютюшкин входит в кабинет и помимо Баяна видит Дубинского.

Тютюшкин:

До-добрый день, коллеги!

Баян:

Доброе, Аркадий Сергеевич! Доброе!

Дубинский:

Доброе, что называется!

Тютюшкин:

Я в общем, это… ну, это самое…

Баян:

Ну, что Вы? Говорите смелее.

Тютюшкин:

В общем, пришлось уйти с пары раньше. Хотел бы извиниться за это.

Баян нахмуривает брови.

Баян:

Так, и почему же это, Аркадий Сергеевич?

И тут Тютюшкин уже было хочет рассказать об отвратном поведении своих студентов на паре, но внезапно его что-то останавливает. Как будто бы что-то внутри сковывает его и не дает ему этого сделать. И, к своей собственной неожиданности, он говорит совсем другое.

Тютюшкин:

Да, вы знаете… Температура под 40 разыгралась! Вот, уж не смог никак дальше вести предмет.

Баян:

Ну, это что ж, дело то серьезное. Это конечно. А сейчас то Вы как?

Тютюшкин:

Да, сейчас то вроде неплохо. Вот, спиртом растерся. Может чувствуете?

Баян:

А, ну да, что-то есть, есть.

Дубинский:

Ну, Вы, Аркадий Сергеевич, выздоравливайте, это самое! Болеть то некогда, надо же серьезными вещами заниматься!

Баян:

Да, Аркадий Сергеевич, выздоравливайте до конца и возвращайтесь.

Тютюшкин:

Понял, ну, спасибо тогда. Пойду, подлечусь.

Баян:

Давайте.

После этого Тютюшкин выходит из кабинета, затем из вуза и идет в магазин за лекарством - минералкой. А Дубинский с Баяном продолжают беседу.

Баян:

Ну, так что, господин Дубинский, зачет сегодня у Вас, говорите?

Дубинский:

Да, в общем-то. Ну, не надеюсь я на хорошие оценки, в принципе то. Ничего не жду!

Баян:

Ну, понятно. Инопланетяне же все. Бестолковые. Выгонять штабелями придется.

Дубинский:

Оно да, конечно. Ну, есть пара неплохих ребят. Толковых.

Баян:

Хотя бы так, хотя бы так… Но, Акакий Эсмеральдович, если Вам бестолковые что-то предлагают взамен, то вы возьмите… И поделитесь… Ну, вы понимаете, о чем я…

Дубинский:

Конечно, это безусловно, так сказать!

Баян:

Ладно! Тогда за работу, Дубинский!

Дубинский:

Да!

Сцена седьмая

КАБИНЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Дубинский:

Итак, господа! Вот вы и дожили до светлого дня зачета! Кого-то видел, кого-то трогал… о-э… в смысле, был тронут неподдельным энтузиазмом и интеллектом этих студенток..ов, а с кем-то сегодня и познакомимся, так сказать! Что же, посмотрим кого бы вызвать первым.

Дубинский внимательнейшим образом ознакомляется с журналом и видит одного студента по фамилии Борматов, который был на его паре всего два раза.

Дубинский:

Итак, первым пойдет у нас… у нас пойдет первым… Борматов! Пожалуйста выходите к столу, присаживайтесь и тяните билет.

Борматов выходит, не смотря тянет билет и спокойно садится.

Дубинский:

Итак, пишите на листке. Даю пять минут, а потом будем отвечать, так сказать, оценку получать!

В билете вопрос «Содержание классических теорий элит В.Парето, Г.Моски и Р.Михельса».
Проходит всего две минуты и Борматов уже готов отвечать.

Борматов:

Готов к ответу.

Дубинский:

Ха-ха-ха, уже?! Ну, сейчас и посмотрим, как говорится. Отвечайте на первый вопрос!

Борматов:

Итак, вопрос: «Содержание классических теорий элит Парето, Моски и Михельса». По факту если раскидать, то теория элит, к примеру, гласит, что народ не в состоянии управлять государством и делать это должны аристократы. Ну, типа, кто богаче там, из какого рода там происходит, так сказать, к примеру, и вот.

Ну, Моска считал, что типа доступ в политику должен сопровождаться способностью управлять и понимать менталитет народа, так сказать.

Парето писал, что элиты должны сменяться, потому как, к примеру, рано или поздно «сдуваются», а неэлитарные элементы могут создать достойных преемников элитарным элементам. Потому как, дети элиты не всегда выдающиеся личности. Ну, знаете, в семье не без урода, как говорится. Ну, потому вот и необходимо менять эти элиты то, что прежние элиты теряют энергию.

Михельс говорил о том, что развитие общества приводит к созданию крупных организаций, допустим. И руководство такими организациями не может осуществляться всеми ее членами. Для нормального контроля за ними, за партиями там и тд., требуется иерархия некая, которая приводит к концентрации власти в один аппарат, как бы.

У меня все.

Дубинский:

Ну, конечно, суть более-менее такая, так сказать, но, как Вы говорите?

Борматов:

В каком смысле как?

Дубинский:

Ну, допустим, как бы слов много у вас-то есть в речи ненужных, к примеру-то понимаете, например, вот.

Борматов:

Так вы же сами так разговариваете. Вот, даже сейчас.

Дубинский внезапно осознает, что действительно употребляет кучу слов паразитов в своей речи. Раньше ему об этом никто не говорил, но студент Борматов открыл ему глаза и уши.

Дубинский начинает свирепеть от того, что какой-то студент-прогульщик указывает ему на его недостатки речи и еще, как будто бы издеваясь, говорит с ним в такой же манере. Все. Он полон гнева и сейчас взорвется.

Дубинский:

Вы, эт самое, не много ли себе позволяете тут?!

Борматов:

А я что сказал то?

Дубинский:

Вы хамить тут и учить изволите меня, так сказать, это самое?!

Борматов:

Так, а где я хамлю? Вы же правда так разговариваете. А на вопрос я по факту ответ дал.

Дубинский:

Вы не ответили как надо, молодой человек! Вы ничего не понимаете в политологии, понимаешь ли!

Борматов:

Так а мне это зачем? Я на агронома учусь. Вот вы понимаете, как пшеницу сеять?

Дубинский:

Ну, допустим, нет!

Борматов:

Ну, вот. А я понимаю. Вы и занимайтесь тогда своей политологией. У меня предмет в программу вписан, я пришел ответил по факту. Вопрос в чем?

Дубинский в невероятнейшей ярости.

Дубинский:

Вы, молодой человек, далекий! Политология - основа мира всего! Глупец и неуч, понимаешь ли!

Борматов:

Вы свою политологию на обед есть будете что ли вместо хлеба? Тут что по вашим лекциям, что по этим теориям и так все понятно. По жизни растешь, взрослеешь, развиваешься и понимание само приходит как все это устроено, по факту. Мне зачем углубляться в детали этого? У меня написано «зачет», я пришел и рассказал, потому что надо прийти и рассказать. А не потому что это мне надо и всем людям.

Дубинский:

А ну-ка вон отсюда! Оценка два! И не пересдадите вы мне ничего, не надейтесь!

Борматов:

Я никуда не уйду! Я ответил и буду ждать!

После этих слов Борматов садится за первую парту и уверенно сидит, не собираясь никуда уходить. Дубинский выкрикивает следующего к ответу.

Дубинский:

Следующий!

Следующим отвечать выходит всезнающий умник по фамилии Подмазюк.

Подмазюк:

Да, вы знаете, Акакий Эсмеральдович, я тоже считаю, что политология нужна всем и без нее никуда!

Борматов, услышав как Подмазюк явно таким образом подлизывается к преподавателю, да еще и указывает при этом на только что произошедшую ситуацию, вскипает.

Борматов:

Эй, слышь, ты охренел?!

Борматов выкрикивает Подмазюку, но Дубинский думает, что это адресовано ему за отказ ставить

оценку.

Дубинский переходит в пограничное состояние и даже теряет свою привычную манеру речи. В нем разбудили настоящего зверя, после чего этот зверь вылез наружу и загрыз предыдущего нелепого и косноязычного Дубинского.

Дубинский:

Ты как себя ведешь, быдлота?!!! Вы че, думаете вам можно все, крутым таким?!!! Пришел тут, учит меня!!! Да я в рот вас всех ебал!!! На тебе тройку и проваливай отсюда, чтобы никогда тебя не видел больше!!!

Дубинский ударным движением руки рисует тройку в зачетке Борматова. Борматов как ни в чем не бывало подходит к его столу, берет зачетку и удаляется, хотя, внутри, конечно, тоже испытывает шок от такого поистине невероятного перевоплощения Дубинского.

Дубинский же изначально планировал вывести Борматова на разговор о том, что качество ответа не подобающее и за зачет надо «что-то еще дать в придачу», но на этот раз все пошло совсем не по его обыденному сценарию.

Так он поступал со всеми студентами-прогульщиками. Этим также объясняется причина его невероятной злости.

Дубинский:

Так, ладно! Подлизюк! Или как там, это самое?

Подмазюк:

Подмазюк!

Дубинский:

Оценка 5 и свободны!

Подмазюк:

Так я же еще ничего не ответил!

Дубинский:

Спорить тоже будем что ли с преподавателем?

Подмазюк:

Конечно нет! Вы что?

Дубинский:

Ну, вот и все тогда! Все остальные на пересдачу!

Аудитория возмущенно начинает гудеть.

Дубинский:

Так, чего загудели?! Спорить будем? Все я сказал, собираетесь и уходите! Все на пересдачу, эт самое!

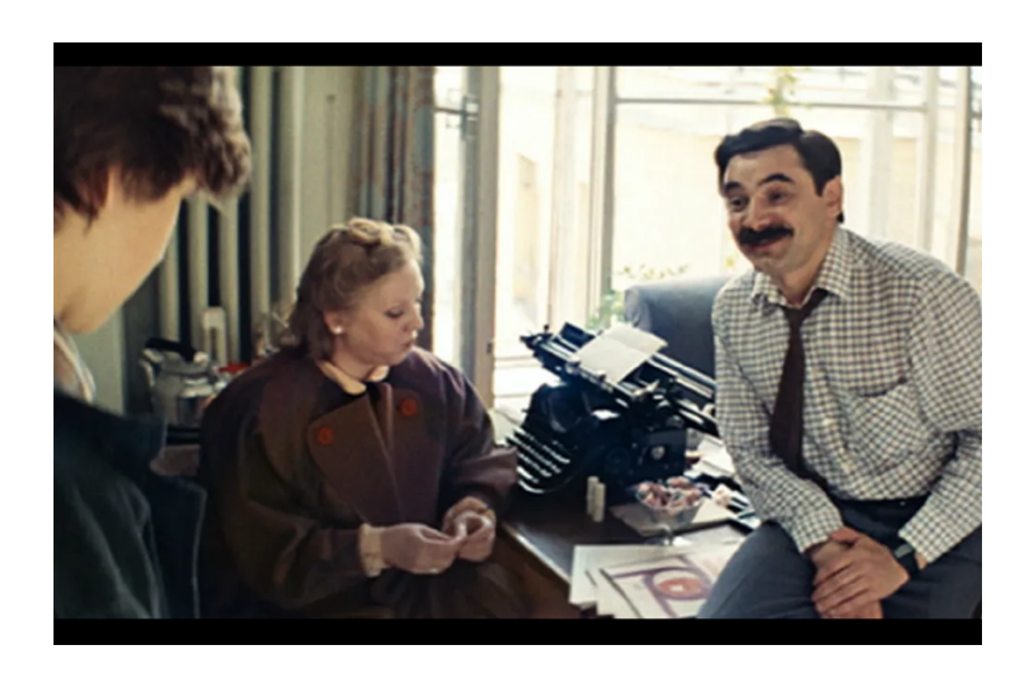
Все студенты уходят, матеря у себя в голове идиота Дубинского, а Дубинский же неподвижно остается сидеть за столом. Он вспоминает о своих ошибках, совершенных в течении всей жизни и слезы наворачиваются на его глазах.

Ведь все могло бы быть совсем иначе.

Сцена восьмая

КВАРТИРА ДУБИНСКИХ

(Воспоминание)

Только что окончивший школу семнадцатилетний Дубинский обсуждает со своим отцом куда ему идти дальше.

Дубинский ст.:

Тебе надо нормальную понятную профессию! Вон, иди в ПТУ на плотника. Будет работа, будет зарплата и все как надо, эт самое.

Дубинский мл.:

Да, я думал в институт лесной пойти.

Дубинский ст.:

Зачем тебе этот лесной институт? Лесником потом быть что ли, эт самое? Ерунда какая несерьезная! Да и какой тебе институт, не возьмет тебя туда никто. Сиди и не высовывайся. Вон, поступай на плотника и все понятно будет! Работа есть и деньги есть, что еще надо!

Дубинский мл.:

Но мне интересно как устроен лес, я бы хотел быть лесничим, а не плотником. Да, и чего я не смогу поступить то? Что значит не высовываться? Надо ж попытаться хоть!

Дубинский старший дает младшему подзатыльник.

Дубинский ст.:

Я тебе тут поговорю еще! Все, завтра идешь документы в ПТУ относишь!

И не в состоянии юный Дубинский дальше противостоять отцу. Не хватает смелости. Да, и отец взрослый, ему виднее, думает он. Да, и не хочется его расстраивать. Ведь он же его любит.

Затем Дубинский вспоминает еще один важный поворот в своей жизни.

Сцена девятая

КВАРТИРА ДУБИНСКИХ

(Воспоминание)

Дубинский сидит на кухне с женой Людмилой.

Людмила:

Может уже найдешь какую-то работу себе другую наконец?! Денег то совсем нет!

Дубинский:

Так, эт самое, Людочка! Я что найду то? Ну, вон я ж таксовать то попробовал, к примеру, и что? Эти сволочи доехали до куда им надо и потом просто говорят, мол давай папаша, счастливо! И ничего не заплатили!

Людмила:

Да у тебя всегда вот так все! Через одно место! Всю жизнь! Хоть что-то бы нормально сделал!

Дубинский:

Людочка, ну, не сердись! Я же все ради тебя, эт самое, всю жизнь! Я ж тебя люблю!

Людмила:

Да иди ты, всю жизнь испортил! Вон, с тобой учился же в ПТУ этот, Баян? Теперь он ректора института!

Дубинский:

А, так он, эт самое, по связям как-то, по-хитрому там пролез. История темная там, так сказать!

Людмила:

Какая разница?! Иди к нему и попросись кем-нибудь!

Дубинский:

Да, чего я пойду то к нему! Мы ж давно не общались, да и не были друзьями то особо!

Людмила:

Я сказала пойдешь завтра и попросишься!

И Дубинский соглашается. Ведь он любит жену и хочет, чтобы она была счастлива.

Сцена десятая

КАБИНЕТ БАЯНА

(Воспоминание)

Дубинский стучится и заходит в кабинет. Баян сидит спиной к нему за столом и что-то читает. Оказывается, порножурнал.

Баян:

Кому че надо?

Дубинский:

Володь, эт самое, привет! Я Акакий, из ПТУ. Помнишь? Дубинский.

Баян захлопывает журнал, с удивлением поворачивается и узнает Дубинского.

Баян:

А, Дубинский! Здарова, заходи! Как сам? Помню, конечно, помню. Заходи, какими судьбами?

Дубинский:

Да, эт самое, все хорошо! Работаю по специальности! Плотником, в школе!

Баян:

А, ну это хорошо, хорошо!

Дубинский:

А ты вот, вижу, тут теперь?

Дубинский оглядывает кабинет.

Баян:

Ну, да, да! Так сказать, надо наше образование поднимать!

Дубинский:

Ну, эт да, эт самое! Да.. Я чего зашел-то… Слушай, есть может по-старому, так сказать, знакомству, к примеру, какая-то работенка дополнительная? А то, понимаешь ли, не хватает денег сейчас. Время то сам видишь какое.

Баян видит возможность. В институте как раз открывается новая кафедра политологии и требуется руководитель. Найти настоящего политолога в этой дыре нереально, а свой человек - идеальный вариант! И наплевать, что Дубинский ни разу не политолог и даже близко.

Направление политологии в ВУЗах совсем еще

новое и неизведанное, да и Баяну как раз нужен такой податливый прихвостень, как Дубинский, который сможет еще и собирать со студентов бабки, по его приказу.

Баян:

Слушай, да без вопросов вообще! У нас как раз тут новая кафедра открывается! Политология! Хочешь возглавить?

Дубинский:

Ой, эт самое! Серьезно, что ли? Вот это предложение, конечно! Но, я ж не, как его, не политолог!

Баян:

Слушай, да это насрать вообще! Это новое какое-то направление, кто там разбираться будет? В общем, предлагаю один раз. Если не хочешь найдется кто-то другой.

Дубинский:

Не-не, я согласен! Давай!

Баян:

Ну вот, совсем другое дело! Все тогда, работаем вместе! Дипломы там тебе сделаем, законно, естественно.

Так сейчас все делают, это нормально, не волнуйся. Книжек вон почитаешь и сойдешь за политолога. Там я почитал одну. Ну, херня херней, любой бред несешь и добавляешь слова с политикой связанные!

Дубинский:

Спасибо, Володь! Большое! Вот жена то обрадуется!

Баян:

Да, давай, иди обрадуй!

Дубинский радостно бежит до дома, а Баян поворачивается к столу и продолжает изучать свой журнал.

Жена рада, Дубинский становится политологом. Однако, со временем Баян начинает его обманывать, не выплачивать часть зарплаты, нагружать лишней работой. Людмиле это не нравится, но Дубинский ничего не может сделать. Всякий раз, когда он пытается высказать какие-то претензии Баяну, тот убеждает его, что ему все кажется и никакого обмана нет. И Дубинский верит. Ведь он же считает Баяна не просто начальником, а еще и другом. И любит его так, как полагается любить друзей.

В итоге, Людмила уходит от Дубинского к состоятельному московскому банкиру.

Сцена одиннадцатая

КВАРТИРА ДУБИНСКИХ

(Воспоминание)

Людмила:

Хватит валяться на полу! Ты че как маленький?!

Дубинский:

Людочка, ну, почему же ты от меня уходишь?! Ну, прошу тебя! Я же люблю тебя!

Людмила:

Мне твоя любовь на фиг не сдалась! Ты ничтожество! Встань с пола, отпусти мои ноги, дай мне обуться!

Людмила отпихивает Дубинского, одевает сапоги, берет чемодан и выходит из квартиры. Дверь захлопывается, и Дубинский остается один.

И после этого Дубинский, что называется, начинает плыть по течению. Ему становится наплевать на всех и вся. Он озлобляется и начинает отыгрываться на студентах, вымогать у них взятки, подкатывать к первокурсницам, а по вечерам пить водку.

Сцена двенадцатая

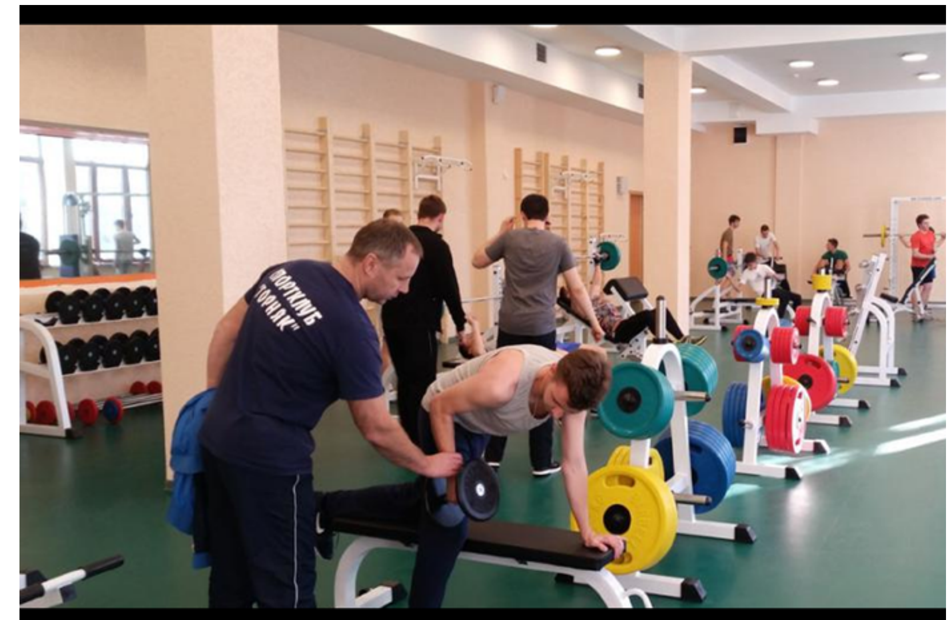
КАБИНЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

(Наше время)

Дубинский сидит и плачет, уткнувшись лицом в стол. Просидев так еще минут десять, он все же встает, берет свой разорванный портфель и шатаясь, еле переставляя ноги, выходит из кабинета.

Сцена тринадцатая

ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ ЗАЛ

Утюгов ведет секцию тренажерного зала и смотрит, чтобы каждый студент был занят делом, а не прикидывался ветошью.

Утюгов:

Слышь, дохлик! Ты че там лежишь? А ну-ка делай пресс, а не притворяйся! Вы че, пришли тут и думаете, что можно тупо галочки получить? Не-а, ни фига!

В зал входит Борматов.

Утюгов:

Борматов, че кислый? Как там с политологией?

Борматов:

Да, я-то его дожал. Не ушел пока трояк не поставит.

Утюгов:

Красава!

Борматов:

И этому. Умнику пятерку поставил. А всех остальных выгнал и сказал на пересдачу идти. Чет пипец он разозлился. На меня одногруппники наезжали еще сначала, что я во всем виноват. Но потом как-то

подумали и поняли, что он и без этого случая как мразота себя вел. Еще и к девочкам подкатывал.

Утюгов:

Подайте вы жалобу на него уж наконец!

Борматов:

Так а куда? Он же там по слухам что-то с Баяном мутит. К Баяну придешь он пошлет, слушать не станет.

Утюгов:

Конечно, Баяну и не надо. Вы подавайте сразу в министерство. Материала то там хватит на Дубинского. У него вон, через каждое слово проскакивают оговорки по Фрейду.

Борматов:

Хм. Действительно, можно же в министерство! Хорошо, спасибо. Обсудим тогда сегодня. Василий Васильич, а вы-то чего не уволитесь? Вы ж говорили, что у вас магазин спорт товаров есть? На фига вам тут работать то?

Утюгов:

Да, понимаешь… Люблю я спортсменов воспитывать из вон таких дохляков как вон тот, в углу.

Я тебе сказал, делаем! А не делаем вид! Да, и советы давать. Кому тут место, а кому нет. Вот тебе, Борматов, доучиться надо и агрономом быть. Эт твое. А вот твоему одногруппнику Понимасову, к примеру, я уже говорил, что надо отчисляться и двигаться в чем-то другом. По нему видно, что родители заставили сюда идти. Получится потом потраченное зря время. Не своей жизнью живет.

Борматов:

Ну, а как понять, что тебе нужно? Я вот знал сразу. А кто-то ведь не знает.

Утюгов:

А сразу и не обязательно знать. Это жизнь покажет. Пока не попробуешь не поймешь. А надо пробовать разное. И не бояться пробовать, самое главное. Не надо ничего бояться. Надо, конечно, если за что-то взялся и по началу не получается, идти до конца. Но если ты очень долго и очень упорно чем-то занимаешься, но по итогу совсем никак не идет и приходит понимание, что тебе это и не нравится вовсе, то бросай и бери пробуй другое! Это значит, что не твое это дело. Так и найдешь в итоге свое. Я-то тоже не сразу это понял. Не сразу понял, что не тем занимался. Я же был физиком-ядерщиком.

Борматов:

Серьезно?

Утюгов:

Да. Потом меня уволили и поставили блатного чувака на мое место. Я долго злился, конечно, думал, что это и было мое призвание, а потом понял, что нет. Здесь я счастлив, а там думал, что счастлив. И тоже в универе много чего ненужного учить приходилось. Это увольнение открыло мне глаза, что я вообще не тем занимался. Но вам я зато сейчас это все говорю, чтоб вы хоть как можно раньше это все поняли. Так что подавайте жалобу на Дубинского. Таких как он преподавателей быть вообще не должно.

Борматов:

Спасибо Вам, Василий Васильевич.

Утюгов:

Да, ладно, брось ты.

Борматов и Утюгов жмут руки.

Сцена четырнадцатая

СКАМЕЙКА У ВУЗа

Тютюшкин пьет минералку. У него дико кружится голова, его тошнит, но соображает он уже отлично.

Обдумав все, что произошло, он приходит к выводу, что был не прав. Необходимо все-таки идти к Баяну и пожаловаться на студентов за то, что они довели его! Он испытывает чувство досады из-за того, что сразу не сказал все Баяну как есть, а придумал всю эту историю с температурой. А все, что ему там почудилось в пьяном бреду совершенно ничего не значит.

Он встает со скамейки, кружится и чуть не спотыкается об мусорку. Поправив свой засаленный протертый пиджак блевотно-болотистого цвета, он направляется к дверям вуза.

Сцена пятнадцатая

КАБИНЕТ БАЯНА

Тютюшкин:

День добрый, не отвлекаю?

Баян спит, положив ноги на стол. После того, как входит Тютюшкин он резко вскакивает, с него слетают брюки. Нагибаясь за ними, чтобы одеть, он хватает их, и, разгибаясь, ударяется башкой об стол.

Тютюшкин:

Вам помочь?

Баян:

Да не, все нормально тут… Эх… Что хотели, Аркадий Сергеич? Вы уже выздоровели?

Тютюшкин:

Да, выздоровел. Но я хотел бы рассказать еще кое-о-чем, что вчера случилось!

Баян:

Ну, что ж. Рассказывайте тогда!

Тютюшкин:

В общем, один студент по фамилии Елов отказывался выполнять требование преподавателя, то есть меня! А потом еще и хамил! И вся группа поддержала его и тоже хамила!

Баян:

Ну, это очень плохо, что тут можно сказать! Что думаете с ними делать?

Тютюшкин:

Я считаю, что их надо отчислить!

Баян:

Ну, видите ли, Аркадий Сергеич, статистика вуза так портится. Сейчас как-то надо по-другому с такими случаями работать. А давайте-ка заставим их чистить территорию института!

Тютюшкин:

Вот, давайте так! Все равно они больше то ни на что не годны, бестолочи! Так хоть пользу принесут!

Баян:

Ну, вот и решили тогда! Я лично их сюда вызову и все им скажу!

Тютюшкин:

Тогда все, я пошел!

Баян:

Да, давайте! За работу!

Сцена шестнадцатая

КАБИНЕТ БАЯНА

Группа АГ-325 обсуждают подавать ли жалобу на Дубинского в министерство или нет.

Борматов:

О чем разговор вообще? Он домогался до Светы, Кати, Даши и Кристины. Он извращенец старый!

Кристина:

Да! Он ехал за мной до самого моего дома на своей красной копейке. Это при том, что я ехала на маршрутке!

Света:

Мне он предлагал устроить дополнительное занятие на дому! Причем у меня! Типа у него там не убрано!

Катя:

И зачет мне предлагал прошлый сдать таким образом! А у парней он взятки вымогает!

Борматов:

И кто-то считает, что этого не достаточно?

Ложкарев:

Только ребят, проблема есть. В его домогательствах никогда прямого контакта то не было. Вы помните такого?

Все задумываются и понимают, что действительно Дубинский никогда никого не трогал физически. Мог только преследовать и намекать.

Борматов:

И что ты хочешь сказать?

Ложкарев:

Что домогательства притянуть не получится. Только взятки и превышение полномочий.

Борматов:

Ладно, хрен с ним. И этого хватит.

Подмазюк:

Я считаю, что все это ложь! Акакий Эсмеральдович отличный преподаватель!

Борматов:

Подмазюк, ты вот и вправду Подмазюк же!

Катя:

Да, Подмазюк! Ты же ко всем всегда просто подмазываешься! Вот они и ставят тебе так все оценки! Так и с этим Дубинским! Еще все эти его лекции пишешь, цитируешь. Которые он с интернета тырит!

Даша:

Так мы вчера еще погуглили. Кто-то пишет, кто учился у него когда-то, что у него образование ПТУ плотника! И тут он по блату работает!

Подмазюк:

В общем, я против! И считаю, что Борматов поступил по-свински!

Борматов:

Так, финальный опрос! Кто считает, что не надо подавать жалобу, поднимите руку?

Никто из группы не поднимает руку.

Борматов:

Кто считает, что надо?

Поднимают все.

Борматов:

Единогласно!

После этих слов, группа студентов из двадцати человек поднимает несогласного Подмазюка на руки, выносит его на улицу и выбрасывает на замусоренную клумбу.

В этот момент на улице уже как раз убирается группа, наказанная Баяном за хамство в адрес Тютюшкина. Студент Елов подходит к клумбе и видит лежащего в окурках Подмазюка.

Елов:

Эй, ты чего тут?

Подмазюк:

Пфу… Твою то мать! Почему у нас тут так грязно!

Елов:

Ну, вот и уберу как раз, если встанешь. Ты чего тут забыл?

Подмазюк:

Да, одногруппники меня так видимо проучили! За то, что я не хочу в министерство жалобу подать на преподавателя политологии Дубинского! Уважаемого человека, между прочим!

Елов:

В министерство? Можно подать в министерство, не Баяну?

Подмазюк:

Да, можно. Им это подсказал этот, физрук, Утюгов который.

Елов:

Интересно, интересно…

Подмазюк:

А вы тут чего убираетесь? До субботника то рановато вроде?

Елов:

Да, так… Тоже тут с преподавателем повздорили… С Тютюшкиным, математиком. Знаешь такого?

Подмазюк:

Нет.

Елов:

И хорошо. Слушай, ты давай вставай. На вот тебе метлу, отряхнись. А я сейчас прибегу.

После этих слов Елов бежит к своим одногруппникам, чтобы предложить им подать жалобу на Тютюшкина в министерство.

Сцена семнадцатая

КАБИНЕТ БАЯНА

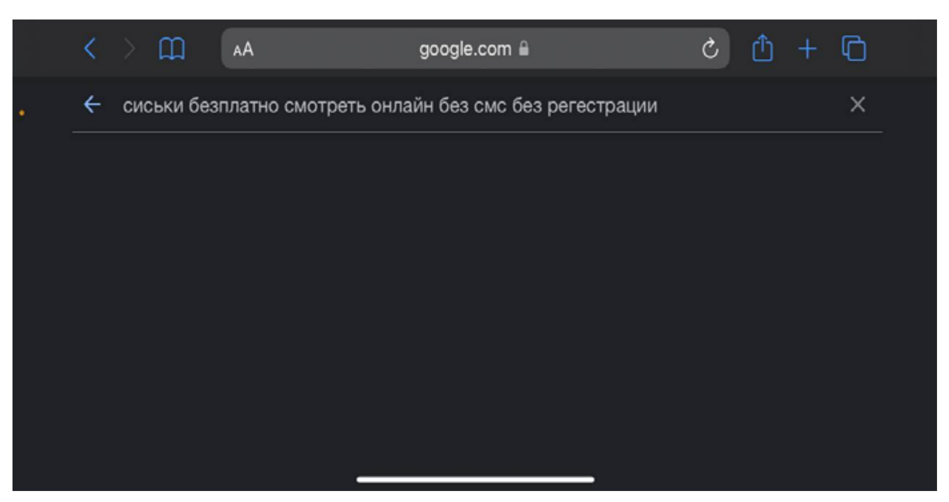
«Лариса Петровна, опять принтер не печатает!» - неистово кричит Баян, забывая, что сегодня она взял отгул.

«Ну опять эти проблемы! Кто починит этот вонючий принтер? Без секретарши как без рук!»

Баян берет ручку и чернила, на злобу дня, портят очень важный документ.

«Все, день не задался, можно дальше не работать. Может отдохнуть? Да нет, и так статистика плохая, а я еще отдыхать. Сделал дело - гуляй смело. Ох, надо бы разобраться с успеваемостью ЕН-33».

Атмосфера скуки перемешалась с запахом сигаретного дыма и не выветривалась даже окном с улицы. Баян не может себя заставить доделать

Что обычно гуглит Баян...

отчетность и решает пять минут посмотреть тик-ток. Он натыкается на смешной видос с Даней Милохиным и начинает истерично ржать: «Ха-ха-ха, ну и пидор!»

Казалось, посреди пустыни дневной рутины появился оазис.

Вдруг на его розовый айфон, который он вчера конфисковал у студентки, идет звонок. Этот номер уже неделю мозолит глаза. Звонят с министерства, хотят улучшения показателей. Баян уже был опытен в этом и научился отбиваться от атак бюрократов. Однажды ему позвонила студентка и представилась Аленой Котлетовой из группы АГ-214. Она пожаловалась на гнилые продкуты в буфетах института и на коррумпированных преподавателей, на что Баян ответил:

«Ну эта проблема не нова, и чё?»

Министерство:

Товарищ Баян, что творится с вашими преподавателями?

Баян:

Как что? Все вроде нормально. Идет смена кадров, свежая кровь, так сказать.

Министерство:

Два ваших кадра тут такое чудят, а вы и не знаете

даже. На обоих уже заведены уголовные дела, оба под следствием.

Бабян:

Не может такого быть, да такого никогда и не было! Может вы что-то путаете?

Министерство:

Тютюшкин и Дубинский. Оба попали под статью 285 УК РФ. Тютюшкин умудрился и по 133 УК РФ залететь. Увольняйте их задним числом, пока журналюги не налетели как коршуны.

Баян кладет трубку и сидит с таким видом, будто на него рояль упал. Этот тот случай, когда вообще не знаешь с чего начать: «Сорок лет карьеры могут уйти коту под хвост… Ну что же делать?»

Проблемы начинают нарастать комом, и паника охватывает Баяна все больше: «Где они сидят-то хотя бы? Блять! Репутации ВУЗа теперь жопа! Как они так спалились то, е-мое?! Да, и как-то помочь надо, не чужие ж люди то».

Баян решает позвонить своему другу в прокуратуру и узнать где сидят его подчиненные. «Да, Вить, это я, тут такое дело…»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

СИЗО БЕЛАЯ ЖАБА

Баян заходит в пугающее темное и сырое помещение. Кажется, время тут застыло. В советскую эпоху словно возвращают плакаты и листовки, мирно висящие на стене. Баян ожидает следователя по делу. Капли протекающей крыши отсчитывают пугающие минуты до прихода известий о дальнейшей судьбе этих преподавателей. Под скрипучий визг двери врывается следователь Емелькин Сергей Ганбоевич.

Начинается мучительный диалог.

Емелькин:

Скажите мне, как вы могли столько лет держать извращенца на своей кафедре?

Баян:

Вы знаете, мы вообще ж думали, что он гей, он так и написал в резюме, причем выделил жирным шрифтом. математик-гей. Ну, мы и вообще подумать не могли. Мы подозревали, что он просто конченный дебил.

Емелькин:

Ну а вы вообще получаете письма от студентов?

Баян:

Да, конечно, вчера вот читал письмо.

Емелькин:

Так у вас даже ящика нет для жалоб.

Баян:

Так, я на гугл картах читаю отзывы, у нас там 4 звезды.

Емелькин:

НУ, ТАК НА ГУГЛ КАРТАХ НЕ НАПИШУТ, ЧТО ДО МЕНЯ ТЮТЮШКИН ДОМОГАЛСЯ! Мы получили обращения от 7 студенток и ведем экспертизы. Вы можете ходатайствовать по проведению специальных проверок, доказывающих обратное, это ваше право.

Баян:

Я свои права знаю, вы за своими следите. Я требую свидания с Тютюшкиным!

Емелькин:

Может вам при свечах еще? Запрещено пока ведется следствие. А вы заинтересованная сторона. Так, мне еще много работы предстоит, можете идти.

На Баяна как-то влияет гнетущая обстановка СИЗО. Он начинает бояться находиться здесь. Он, казалось бы, человек не обремененный моралью и состраданием не верит происходящему и начинает впервые в жизни переживать за Тютюшкина и за Дубинского, а в особенности за Дубинского, который вообще непонятно где сейчас находится.

Изначально он переживал только о репутации своей и ВУЗа, а также о сохранности в тайне коррупционных схем, а теперь переживает еще и о людях! Он мечтает отмотать время назад, до всех этих событий.

«Может действительно не уследил, кто его знает… Надо лично видеть человека. Интересно где еще Дубинский сидит, как след пропал».

Баян идет по длинному коридору и видит охранника. Тот провожает своими хитрым глазами. Бывают люди, которые как зеркало своего взгляда. Тютюшкин будто рефлекторно пытается дать взятку охраннику, чтоб свидиться с Тютюшкиным. Тот понимает его без слов.

И вот, темный подвал, где светится одна лампочка, где сидит изнеможенный преподаватель. «За что так с ним? - думает Баян. - Еще же ничего не доказано. А вдруг он и вправду это делал? Ну он

же точно не скажет правду, если это делал. Может блефовать, что я все знаю?»

Открывается дверь и Баян садится напротив Тютюшкина.

Баян:

Я все знаю!

Тютюшкин:

Да? А знаете, что такое интеграл Кичибекова?

Баян:

Да ты совсем дебил?! Я знаю, что ты извращуга! Зачем ты все это делал? Это же первокурсницы-второкурсницы, в конце концов! Дети еще! Нельзя так! Ты ставил себя на их место? Объясни, почему? Всех можно понять. Погрузи меня в ситуацию.

Тютюшкин молчит. Весь его вид говорит о том, что он таит в себе секрет, как сейф из галамарта. Такой страшный секрет ни за что не отпустить. Себе дороже.

Баян:

Вот и чего ты добился? Двадцать пять лет гнить в этой тюрьме, ты на что надеешься?

Тютюшкин немеет от эмоционального удара. Это число, похоже, и есть ключ к разгадке его тайны.

Тютюшкин:

Как двадцать пять?! За что двадцать пять?! Я никому ничего не сделал! Ну сделал, но не на двадцатья пять же! Мне обещали пятеру, вот суки! Менты позорные!

Тютюшкин резко подрывается со стула и снимает ремень. Он бежит к трубе, проходящей вдоль камеры, и пытается удавиться. Баян дает ему по роже и тот теряет сознание. Очнувшись через десять минут, Тютюшкин сидит с таким видом, будто в аду побывал. Его лицо точно напоминает алые тона ада. Оно безжизненное и обесчеловеченное.

Баян наливает ему магарыч и заставляет выпить. Тютюшкин забывает про страх и про какие-либо заботы. Он абсолютно пуст, за него говорят его скрытые тайны.

Баян:

Признайся и покайся, если ты мужик! Соверши поступок! Тебе сразу станет легче. Каждый имеет право, чтоб его простили.

Тютюшкин:

Во мне уже все сгорело, я ни о чем уже жалеть

не могу, поэтому расскажу все как было. Студенток я воспринимал как мою первую любовь. Я подсознательно искал себе Элоизу, которую сожалел, что потерял. И пытался слепить ее из студенток. Я за ними ухлестывал и видел в них мое первую любовь. Но даже с ними у меня ничего не получалось, так как я боялся идти дальше. Я всегда хотел быть на этапе, когда Элоиза тут рядом, но не заходит дальше. Я пытался побороть свой страх, но всегда меня что-то останавливало. Я всегда орал на студентов только для фальшивого ощущения, что я ничего не боюсь и я весь такой страшный. Я обманывал себя. Я каким был, таким я и остался. Не знаю, может это мое самое большое наказание.

Баяну стает до невозможности противен сидящий перед ним человек.

«Как вообще такими конченными становятся!? Зря я его не уволил четыре года назад, когда он играл в шахматы со студентами на деньги. Теперь вот мне проблемы с ним иметь. Да он же дебил, еще наговорит про меня что-то! Что же делать…»

Баян:

Ну ты понимаешь, что в ближайшее время тебе тут мужа найдут и сосватают? И даже не спросят. Ты на фига ментам правду говорил? Они тебе развели как лоха! Сидишь дрочишь свою математику, а ни фига не знаешь о жизни. Ты хочешь до конца жизни ублажать местных амбалов тут?

Тютюшкин:

Нет конечно! Я не знаю, что делать, это тупик, нет выхода. Я уже все посчитал.

Баян:

Какой же ты идиот… Значит так, я тебе помогу по старой дружбе, но запомни! Ты сам ничего не делаешь, так как ничего не умеешь. Указания будут приходить через человека из 446 камеры. Пока сиди тут и иди в отказняк. Будем доказывать, что ты невменяемый. Плюс экспертные проверки были с ошибками, так что будем играть в кошки мышки со следствием.

«Как же хочется прикончить идиота прям тут. Он может всю карьеру испортить на ровном месте! Ладно, пора идти», - думает Баян.

Сцена вторая

ПОДЪЕЗД СИЗО. МЕРСЕДЕС БАЯНА

На улице идет ливень. Баян выходит из СИЗО и садится в свой Мерседес Brabus. Он думает кому можно позвонить, какие у него еще остались знакомые. И вот! Ответ готов!

«Точно! Есть же из префектуры, этот. Как его… Братозятков!»

Баян звонит ему.

Баян купил свой Mercedes Brabus Limited Edition 900 BHP с государственным регистрационным номером «БАЯН ПЕРВЫЙ» после откртыия факультета иностранных яыков. Читатель, конечно, может подумать, что эти события как-то связаны, но это просто забавное совпадние.

Братозятков:

Алло, Володя!

Баян:

Эдгар Антонович, день добрый!

Братозятков:

Добрый, добрый, Володя! Но точно ли добрый? Слыхал, что птенцы не в гнезде!

Баян:

Какие птенцы?

Братозятков:

Ну, гнездо разворошено!

Баян:

Гнездо? Вы птиц завели?

Братозятков:

Да, ты совсем что ли тупорылый?! Я про преподавателей твоих говорю! Что у них проблемы!

Баян:

Ааа! Ну, да-да.

Братозятков:

Ну, ты как-то вопрос то решаешь?

Баян:

Ну, с одним что-то пошло сейчас. Вот, только он него вышел. А вот Дубинского как-то найти надо бы…

Братозятков:

Ага… Ну, понял, понял. Ну, давай с тобой сегодня встретимся в ресторане «Белый кальмар» и ты передашь мне игральные карты, чтобы я решил проблему.

Баян:

Эдгар Антонович, ну, вы играть, конечно, умеете, но вы не выиграете же следака в обмен на Дубинского? Он поди так не согласится…

Братозятков:

Ты совсем баран или да!? Деньги возьми! Чтоб на еду хватило!

Баян:

Аааа… все, понял. Понял.

Братозятков:

Все! В восемь вечера там тогда.

Баян:

До связи!

Сцена третья

СИЗО БЕЛАЯ ЖАБА

Тютюшкин попадает в другой мир, который даже в бреду не придумаешь. Тут другие правила, другие люди, все другое. Что на гражданке казалось детским лепетом тут спрашивается строго.

Тютюшкин ищет осведомителя из 446 камеры. Он должен подать условный знак, насвистывая песню «5 минут, 5 минут…». Он замечает одиноко стоящего мужчину, будто специально поставленного на это место. Он стоит в месте, куда не доходит солнце, и тень его выделяет.

Тютюшкин робко идет ему навстречу. В толпе, стоящей на пути, Тютюшкин аккуратно пробирается, чтобы никого не задеть. Подойдя к человеку, он видит

приятного парня с интеллигентным видом. Его кличка - Соленый.

Соленый:

Это ты тот самый математик?

Тютюшкин:

Вроде да.

Соленый:

Почему вроде? Математики тут нужны. Считать сколько осталось срока мотать. Компьютеры же отключили, вот и считай. Будешь всем законникам считать сколько трубить остается.

Тютюшкин:

Так, значит, эн больше равно 154, мы это минус 67 и выходит, что мне…

Соленый:

У тебя с чувством юмора плохо или да? Тяжелый случай… Значит слушай меня сюда. Вне стада тут не выжить, так что сиди тихо и не рыпайся. Будешь в составе мужиков, налажаешь - пройдешь точку невозврата и к петухам. Пойдем поталдычим к буфету, а то есть хочется.

Сцена четвертая

ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА

Следующую неделю Соленый дает Тютюшкину консультации и тот ездит подготовленным на допросы. Тютюшкин вроде уже думает, что все может вернуться на круги своя.

Он сидит в хате и слушает музыку. Три его соседа делают фарш из цельного куска мяса ножом. Очень трудоемкий процесс, поэтому о Тютюшкине никто даже и не думает. Отвлечением служит тюремная ММС-ка. Она приходит через сортир с верхнего этажа. Обычно в ней не ждут серьезных новостей. Но на этот раз в ней что-то интересное, текста накалякали больше обычного.

ММС-ка гласит: «В вашей хате живет петух, он домогался до студенток и поэтому ваша хата объявляется сучьей…»

Прочитав только это, мужики приходят в ярость и начинают колотить Тютюшкина за то, что он не сказал им правду про себя. В него летит зэчий стул и ломает ему ребро. Дальше его окунают в парашу и прыгают на его лице. Мужики бьют его, пока не сбегается охрана и не разнимает стороны конфликта.

Сцена пятая

РЕСТОРАН «МОРСКОЙ ОКУНЬ»

Следователь районного отдела Хитродаев идет в ресторан «Морской окунь», с оглядкой он высматривает и запоминает подозрительные лица.

На входе в ресторан его встречает намыленный официант и приглашает к назначенному столу. Ему подают горячие бычьи яйца с огуречным рассолом на второе. Время летит незаметно и пугает своей скоростью.

Следователь ожидает еще час и понимает, что никто не придет. Он начинает вставать из-за стола, как вдруг ему приносят коробку для чаевых. Открыв ее, он обнаруживает записку в конверте, а с ней деньги.

Записка гласит:

В одиночестве дуб стоит
Вольный ворон ему говорит:
«Беги, дуб, на свободу, отрывая от корней воду».

Хитродаев сует деньги в карман и бежит домой.

Сцена шестая

ДОМ ХИТРОДАЕВА

Весь вечер он смотрит «Счастливы вместе» по ТНТ и параллельно думает, как бы вытащить этого Дубинского.

«Как бы вытащить этого Дубинского, черт бы его побрал! Набрался я себе забот на голову мою лысую. Еще дело ведет этот Проглядяев поганый! Пришел пятерочник из института с красным дипломом и думает, что самый умный! Носит эти свои конспекты поганые! Он верит конспектам больше чем мне!»

Сцена седьмая

РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ

Наутро Хитродаев приходит на работу. Охранник смотрит Дом 2 по телеку.

Хитродаев:

Выключай свою херню! Устроили тут бордель! Ко мне, сука, после обеда зайди! Ты будешь хвосты коровам закручивать! Оборзели совсем!

Плохо начавшееся утро дает отрицательный прогноз на оставшийся день.

Хитродаев заходит в свой кабинет и рефлекторно тянется к выключателю, но свет уже горит. На своем

месте уже сидит Проглядяев. Хитродаев про себя думает: «Вот идиот, опять пришел за четыре часа до начала работы!»

Проглядяев снова обложил свой стол пачками конспектов и обращался к ним даже когда надо было сходить пописать. Он подбегает, чтобы поздороваться с начальником и сует свою хилую ручку в тиски здорового Хитродаева от чего почему-то краснеет, как эспандер из галамарта.

Хитродаев:

Ты сегодня тут ночевал?

Проглядяев:

Да нет, я в три часа ночи заходил в перекресток булочек купить, а потом на улице решил покемарить.

Хитродаев:

Так, давай проходи ко мне, раз ты тут пока один.

Проглядяев направляется в каморку. Он открывает дверь и запинается об ковер со всеми своими конспектами. Он падает на стул и катиться с ним до окна, а конспекты вылетают на улицу.

Проглядяев:

О нет, мои конспекты!

Хитродаев:

Блять, откуда ты такой взялся вообще?! Иди отсюда пока ничего не сломал, я соберу твои конспекты поганые!

Хитродаев собирает бумажки и начинает их сортировать. Он добирается до процессуальных действий о мошенничестве и придумывает гениальный план. Он распечатывает бредовые лекции с сайта «Интуит», мнет их, чтоб они выглядели будто упали вместе со всеми. Затем он возвращает лекции владельцу и говорит, что уволит после очередной такой выходки. Проходит три дня. Хитродаев сидит в своем кабинете и к нему заходит Проглядяев с папкой экспертиз по Дубинскому.

Хитродаев:

Ну что, закончил?

Проглядяев:

Так точно, кончил!

Хитродаев:

Кончать ты будешь дома на жену.

Хитродаев смотрит на бумажки. Он начинает дико ржать.

Хитродаев:

Так, то есть я вот правильно тебя понимаю… Вот смотри, прямая передача взятки от взяткодателя студента Староконя к взяткополучателю Дубинскому. Взятка была передана в форме банкнот при трех свидетелях, прошедших очную ставку. Тебе надо было всего лишь доказать, что в конверте были эти деньги, а не что-то другое. И ты решил провести обыск дома этого студента, чтобы найти что?! Ты идиот, это же наш подставной студент, ты должен был отследить путь этих денег! Теперь нас уроет прокурорская проверка. Значит так, ты отпускаешь Дубинского и сам свободен, иначе я тебя сам засажу. Вон отсюда!

Проглядяев покорно и резво выметается восвояси.

Сцена восьмая

(Сон Тютюшкина)

Лазурные волны нежно гладят берега Франции. Вдали плавают белые точки - корабли, снующие на линии горизонта. Ветер ласково шелестит травой и делится легкой прохладой с отдыхающими. Тютюшкин идет по аллее роз - мекке каждой влюбленной пары. Атмосфера поцелуев смешивается с энергией молодых студентов. Тютюшкин потихоньку подходит к неоновой вывеске продуктового магазина. Он лезет в карман, посмотреть взял ли он наличку и перед ним падает женщина. Он бежит к ней, берет ее за руку и поднимает. Как в французских фильмах между ними проскакивает искра. Она держит его в клетке своего безумно красивого взгляда, уводящего его в коматоз. Лицо это настолько

прекрасно, что он даже не понимает, что это его первая любовь. Она очень сильно изменилась. Года не украли ее красоту, но придали шарм зрелой женщины.

Неожиданно произносится взрыв. В небе летят штурмовики р51 «Mustang». Элоиза вырывается из его рук и бежит за угол. Тютюшкин пытается ее догнать. Поток напуганных зевак сносит его, то в одну сторону, то в другую. Он бежит за ней через лес, не жалея своих дорогих туфлей. Ее силуэт кажется таким близким, как эти корабли на берегу, но таким недостижимым. Пробегая маленькое деревце, он понимает, что дальше обрыв. Он кричит: «Элоиза! Стой! Ты упадешь!»

Он останавливается в метре от оврага и видит, что Элоиза падает в жерло Вулкана и ее тело уже начинает вскипать и обугливаться. Тютюшкин делает шаг и ...

Сцена девятая

ПАЛАТА ТЮРЕМНОГО ГОСПИТАЛЯ

Тютюшкин просыпается в госпитале. Перед ним дергается силуэт противной медсестры. Она меняет ему утку. Он находится тут уже не один день. Глубокие раны порезы и ссадины не хотят заживать, а душевная рана разрывает его на части. Бедный измученный бессильный человек лежит на смятой постели и не знает что делать.

«Как жить дальше, как смириться с тем, что я отсюда не выберусь. Умереть? Так убьют. Здесь с

моим сроком долго не живут. Петухов на зоне мало, а над этим умирающим видом всем хочется еще поиздеваться».

Такие мысли крутятся у него в голове все время, пока он тут лежит.

«Слабый я человек, я не хочу себя видеть, чувствовать, я не хочу быть. Почему именно я в этой адской пропасти? Я ж делал все на благо общества, я был законопослушным, а меня вот так вот выкинули. Почему вот те, кто воруют миллионы сейчас сидят на лазурном берегу Франции, а я никогда и за границей не был? С детства твердят все эти мысли о справедливости, а где она? Может быть ее не существует в природе, а это просто мираж, обман. Обмен твоей работоспособности на иллюзии о справедливости. Не хочу быть человеком».

С визгом хлопает стальная дверь и входит главврач.

Главврач:

Тютюшкин, вы как себя чувствуете?

Тютюшкин:

Да вот, что-то опять под ребром болит…

Главврач:

Так, уже вас надо выписывать, тут много клиентов, вы более-менее здоровы, через 2 дня освобождаете

помещение.

Тютюшкин:

Но мне действительно плохо…

Главврач:

Не мои проблемы.

Следующие два дня Тютюшкин рассуждает о бесконечном. Потому что он знает, что его ждет через два дня. По тюрьме ползут слухи, что Тютюшкин домогался до несовершеннолетних, а таких убивают хорошо и надолго. Он пытается вспомнить что он вообще делал по жизни.

Об Элоизе он старается не думать, потому что он от этого уже устал. Он вспоминает о математике и со злостью думает, что она ему на хрен не пригодилась. Она никак не поможет в жизни, не спасет от бед и горя разлук, на что надеялся Тютюшкин. Он думал, что эта сила, обладая которой, он может покорять мир. Но нет, миром правят многие вещи, но никак не математика. Тютюшкин в такой ситуации, когда математика не имеет никакого смысла. Тут нужна хватка, сила воли, храбрость, а где их взять? Их просто так-то не посчитаешь в тетрадке и не получишь.

Тютюшкин начинается смертельно бояться своего выхода из госпиталя, он впадает в такой страх, что первый день падает в обморок и просыпается только утром. Наутро он встает относительно бодрый и

видит, что к нему в палату завезли нового пациента. Тот не знает статью Тютюшкина и общается с ним вежливо.

Зэк по палате:

Сыграем в партейку?

Тютюшкин:

Во что играть будем?

Зэк по палате:

А во что хочешь? Кости, шахматы, карты?

Тютюшкин:

Давай в шахматы.

Зэк по палате:

Любишь думать?

Начинается игра. Она заходит до сложного момента, когда Тютюшкин ставит мат. Он так жадно смотрит на Короля, которому осталось жить пару ходов. Он видит, что над ним ладья и два ферзя. Все, бежать некуда. Его пробирает небольшая злость над этой фигурой и эйфория от стоящей впереди победы.

Вдруг, зэк делает шаг навстречу одной ладье Королевой, Тютюшкин не ожидает такого поворота событий. Он думает, что его товарищ с ума сошел, и

переставляет фигуры. Вдруг, Тютюшкин сам осознает, что ему теперь мат. Тютюшкин воспринимал резкий ход глупым в контексте своего видения, а этот ход поменял все ситуацию, и игра пошла по правилам этого Короля.

Бывают, значит, такие ситуации, когда самый слабый может стать самым сильным. Хотя самым сильным его сделали правила шахмат, не будь правил он бы никогда этого не добился. В игре без правил выигрывает самый сильный и хитрый. По чьим же правилам живут люди? В тюрьме люди видят друг друга насквозь и настолько тесно взаимодействуют, что в конце концов они могут сжиться, только если живут по правилам, которые в любой тюрьме одни. Есть идеал этих правил, которого все придерживаются. На воле другие правила, у бедных - одни, у богатых - другие. Каждая группка живет по своим правилам.

«Моя жизнь сменила правила игры, не спрашивая меня. Но спросив меня, хочу ли я побыть даже день в тюрьме, я бы не согласился. Может, когда Элоиза ждала от меня шага, я струсил новых правил? Я боялся, что не смогу играть в эту сложную игру. Но без смены правил немыслимо любовь, значит, чтобы обрести счастье нужна смелость принять эти правила и быть готовым к ударам судьбы. Я рад, что у меня хватило смелости признаться, что я всю жизнь трусил. Куда дальше? Есть ли смысл? Завтра меня ждет заточка из-за угла и скоропостижная смерть. Все. Хватит! Я должен достойно встретить смерть и, хотя бы эту ночь спокойно без страха проспать».

Сцена десятая

ПОДЪЕЗД У СИЗО «СЕРЫЙ ВОРОБЕЙ»

Баян подъезжает к СИЗО за Дубинским. Он паркуется, глушит мотор, и, ожидает.

Где-то через минуту Дубинский со своим старым полуразвалившимся чемоданом выходит из двери изолятора. Он судорожно оглядывается по сторонам в поисках машины Баяна. Баян замечает его и сигналит.

Баян:

Дубинский! Сюда, прошу!

Дубинский:

А, да, да! Это самое, вижу!

Дубинский подбегает и залазит в Мерседес на переднее сиденье.

Баян:

Ну, что ж, Акакий Эсмеральдович. С первой ходкой, так сказать.

Дубинский:

С-спасибо, эт самое!

Баян:

Итак, Акакий Эсмеральдович. Сейчас я объясню вам, что будет дальше. Значит, сейчас я отвезу вас к вам домой. Вы будете месяц сидеть дома и никуда не высовываться, пока вся эта история не уляжется. Считайте, что это отпуск. Оплаченный, ясень пень.

Дубинский:

П-понял, Владимир Сергеевич! Эт самое, а что с Тютюшкиным?

Баян:

С ним то… Сложно пока. Но процесс идет.

Сцена одиннадцатая

КАМЕРА СИЗО «БЕЛАЯ ЖАБА»

Тютюшкин действительно засыпает практически сразу и ночью не просыпается. Он скидывает с себя балласт страха и утром встает с легкой душой.

Он встает, выпивает воды и идет с конвоиром. Его странная улыбка контрастирует с мрачными стенами тюрьмы. Проходя через коридор, он чувствует, что это его последний путь, но идет он по нему достойно. Коридор тянется вдаль на 40 окон слева и справа.

Тютюшкина заводят в камеру и освобождают от наручников. Он смотрит на горящие глаза сокамерников абсолютно спокойно. Непозволительно спокойно, это сводит с ума его сокамерников. Они умаляются в его глазах. Вдруг, секунды спокойствия прерывает Тютюшкин.

Тютюшкин:

Убивайте меня, я разрешаю.

Тютюшкин говорит это с улыбкой.

Мужики первый раз попадают в такую ситуацию. Они не знают, что делать. Они не могут зарядиться животной энергией, чтобы его убить, но и оставить так это не могут. Самый большой из них бьет Тютюшкина по печени, но тот только улыбается и это всех раздражает. Мужики начинают думать, что он в связях с администрацией и боятся его трогать.

На следующее утро весточка проносится по всей тюрьме и его сокамерников объявляют суками за то, что не расправились с ним. Многие зэки не понимают, что творится и слагают легенды о неубиваемости Тютюшкина. Тютюшкин же ходит по тюрьме спокойно и никого не боится.

Проходит месяц и следствие чудесным образом прекращается, все обвинения сняты. Тютюшкина пинком освобождают из тюрьмы.

Сцена двенадцатая

ГОРОДСКОЙ ПЛЯЖ

Тютюшкин на воле. Он, не зная что делать, идет к месту, где они провели тот самый вечер с Элоизой. Он садится на песочный пляж и вдыхает прохладный вечерний воздух. По морю плывет красивый прогулочный катер, на нем люди машут тем, кто на берегу.

Тютюшкин приходит каждый вечер на тот берег и ожидает что-то увидеть. Одним вечером он видит женщину, которая идет в красивом платье и с ней рядом шагает ее малолетний сын. Она просит Тютюшкина сфотографировать ее на фоне заката.

Тютюшкин глядит в экран телефона и вспоминает все, что было двадцать пять лет назад. Это его первая любовь. Она благодарит его за помощь, но его взгляд не отпускает ее. Она находится в состоянии легкой неловкости от незнакомца, а он жалеет, что она его не узнала.

Он лишь произносит фразу «я жил тобой, но для себя. Прости» и уходит вдаль.

НОВОСТИ. ДЕСЯТЫЙ КАНАЛ

«Вчера в море был обнаружен утопленник. Мужчина спрыгнул со скалы и разбился о рифы. Ранее он проходил по делу о домогательствах, но следствие прекратило дело. Институт, где он долгое время работал, выражает соболезнования о случившемся».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

КАБИНЕТ БАЯНА

Баян спит в кресле. Ему очень плохо с похмелья, ведь вчера он был на поминках Тютюшкина.

Внезапно, студент Подмазюк стучится в дверь Баяна. Баян подрывается, но голова предательски кружится от паленой водки из киоска и он чуть не обрушивается на пол. Благо ему помогает то, что он успевает ухватиться за стол. «Да, да! Войдите!» слышится из кабинета.

Подмазюк входит.

Подмазюк:

День добрый, Владимир Сергеевич!

Баян:

Да… Это… Добрый, добрый! А вы у нас кто?

Подмазюк:

А, я Подмазюк!

Баян:

Под чем? А! Понял!

Подмазюк:

Из группы АГ-325. Которая жалобу на профессора Дубинского подала недавно! Но я был единственный против!

Баян:

А, да-да! Понял, понял.

Подмазюк:

Что сейчас с профессором Дубинским?

Баян:

Он в полном порядке и уже скоро вернется в родные стены нашего ВУЗа! Произошла чудовищная ошибка!

Подмазюк:

Я так и знал! А я вот сразу говорил, что профессор Дубинский ни в чем не виноват!

Баян:

И Вы были абсолютно правы! Справедливость восторжествовала!

Подмазюк:

Но я вот по какому делу то зашел! Я знаю, кто посоветовал Борматову подать жалобу на Дубинского!

Баян:

Так, так! А вот это интересно!

Подмазюк:

Это Утюгов! Преподаватель физкультуры!

Баян удивляется и немного начинает нервничать. Раньше он думал, что Утюгов позволяет себе высказывания на собраниях, но не дает никаких советов студентам. Также, он полагал, что Утюгов туповат, во всяком случае тупее, чем он сам, и не может знать, что жалобы можно подавать сразу в министерство. А тут вдруг оказывается, что не так-то он и прост.

Баян:

Нууу… Что ж тут скажешь, это неожиданно! Конечно, да, неожиданно! Спасибо Вам за информацию, так сказать, Подмазюк! Мы примем меры!

Подмазюк:

Не за что, Владимир Сергеевич! Хорошего дня!

Баян:

И вам, Подмазюк!

Подмазюк уходит. Баян остается в раздумьях: «Так. Ну, придется этого придурка уволить тогда! Что тут еще поделать?»

Баян по голосовой связи обращается к секретарше Ниночке.

Баян:

Ниночка!

Ниночка:

Да-да, Владимир Сергеич!

Баян:

Вызовите-ка мне Утюгова Василия Васильевича, пожалста!

Ниночка:

О, а вы знаете вот он сам подошел! Прям вот только что! Пропустить?

Баян думает: «Интересно, а че он сам приперся? Да хотя по фигу. Мне же лучше».

Баян:

Надо же! Отлично! Пропускайте, конечно!

Утюгов заходит.

Баян:

Добрый день, Василий Васильевич! Какими судьбами?

Баян хочет поиздеваться над Утюговым. Он уже продумал в голове весь их диалог. Сначала он планирует делать вид, что Подмазюк к нему не заходил и что он ничего не знает, а потом резко обрушить всю свою мощь и весь свой яростный гнев на жертву, то есть Утюгова. Баян обожал эти моменты проявления власти и полного контроля над подчиненными.

Утюгов:

Я вокруг да около ходить не буду. Вот заявление, я увольняюсь!

И тут Баяна постигают страшнейшее разочарование, злость, обида и ненависть одновременно. Так он, наверное, еще никогда не обламывался. Как же он теперь проявит свою власть? Его начинает приводить в неистовый гнев то, что все так складывается и что Утюгов пришел увольняться сам, а не он сейчас будет решать его судьбу! Но он пытается держать себя в

руках.

Баян:

То есть, это как? С какой стати?!

Утюгов:

Слушайте, ну, я ж не дурак. Понятное дело, что к вам уже кто-то наверняка приходил или придет из этих, знаете, студентов-стукачей и расскажет, что это я посоветовал подать жалобу на Дубинского. Кстати, да. Если еще не приходили, это был я. Поэтому, вот мое заявление. Подпишите пожалуйста, и я пойду.

Баяна мучает эта несправедливость! Ведь он так хотел унизить Утюгова, размазать его по стенке, а в итоге это Утюгов размазывает его?! Баян не выдерживает.

Баян:

Ах ты мерзавец! Людей еще подставляешь таких! Да ты просто обозленный кусок говна! Выгнали его, был когда-то физиком ядерщиком! Хуядирщиком блять! Вот ты взял и проебал работу сейчас, понятно тебе?! Пойдешь в школу теперь вон физруком за копейки!

Утюгов абсолютно спокоен и не меняется в лице.

Утюгов:

Ну, знаете, Владимир Сергеич. Во-первых, разговаривать Вас не научили. Но это ладно, опустим. Вы человек уже пожилой, бить вас нельзя. А во-вторых, у меня спортивный магазин свой. Как-нибудь уж справлюсь.

Баян:

Ха! Магазин у него свой! Ну и че ты там в своем магазине зарабатываешь то?! Щас будешь еще меньше зарабатывать! А был бы как все, взятки бы носил, своих коллег не сдавал и зарабатывал бы до фига!

Утюгов:

Знаете, Владимир Сергеич, я, наверное, меньше зарабатываю, чем вы. Но зато сплю спокойно. И не боюсь, что ко мне придет, к примеру, студент Полянский.

Слыша фамилию Полянского, того самого студента, которого Баян когда-то выгнал из института и которого по какой-то причине страшно боится, Баян весь онемевает и чувствует как его словно градом обдает. Он с трудом собирается с силами и начинает орать на Утюгова.

Баян:

Проваливай отсюда!!! Скотина такая!!! Шваль подзаборная!!!

Утюгов спокойно разворачивается и покидает кабинет.

Баян еще минуты две кричит ему вслед ругательства и оскорбления. Затем он зачем-то со всей силы бьет правой рукой по столу и еще минуты три орет и ругается матом от боли. Затем он достает из ящика своего стола коньяк и пьет прямо из горла.

«Вот же сволочь! - думает он, - вот же сволочь!»

Баян более не может находится в стенах этого кабинета. Он чувствует всю нервозность и накаленность, витающие в воздухе. Дожидаясь десять минут, чтобы точно не встретить Утюгова, он покидает стены ВУЗа, садится пьяным за руль своего Мерседеса и едет домой.

Сцена вторая

ДОМ БАЯНА

Клавдия:

ВОЛОДЯ!!! Ты сегодня очень романтичен!
Звонок в дверь.

Клавдия:

Ой! Кто бы это мог быть?

Володя:

Твой кобель когда приходит-то?

Клавдия нервно смотрит в глазок и перед ней стоит фигура Рэя, продажного преподавателя ее мужа. Она открывает дверь и резво берет мешок с деньгами.

Клавдия:

Опять его шестерки мешают нам тра…тить драгоценное время, задолбали уже!

Володя:

А ну-ка, дай часть.

Клавдия:

Ага, надо еще заслужить, Володенька.

Володя:

А я сейчас отработаю, иди ко мне!

Проходит пара часов, дело близится к вечеру.

Володя:

Клав, вот ты замужем уже десять лет, а я твоего мужа даже и не видел, не культурно как-то.

Клавдия:

Да ну тебя!

Звонок в дверь. На этот раз уже более наглый.

Володя:

Опять друзья?

Клавдия:

Ну я им дам!

Володя:

Да ты всем даешь, ахаха!

Клавдия смотрит в глазок и видит картину самых ярких красок. Ее муженек решил вернуться пораньше.

Володька стоит за углом и по выражению лица Клавы сразу все понимает. Он бежит прятаться в шкаф спальной комнаты. Он усаживается на коробку, и она проминается под его весом. В ней лежат горы денег.

Баян, поцеловав жену, идет в спальную комнату. Он хочет выговориться жене о своем нелегком дне, но при этом не хочет вспоминать эту пренеприятнейшую ситуацию с увольнением Утюгова и потому решает выдумать другую причину столь тяжелого дня.

Баян:

Устал сегодня на работе, опять проблема с этими африковедами, не нравится ли им видимо слушать лекции нашей уборщицы, ну пусть отчисляются!

Клавдия:

Милый, тебе надо отдохнуть, ложись, я выключу свет.

Баян:

Подожди меня укладывать, ты выйди из комнаты на секунду.

Клава напрягается, но, чтобы не выдавать себя выходит из комнаты.

Баян запускает плейлист романтических песен. Он зажигает свечи, которые пахнут ароматом черники, и приглушает свет. Стараясь как можно быстрее снять одежду, он душит себя тройным одеколоном. По всей комнате он бегает ищет презервативы и решает заглянуть в шкаф. Он открывает дверь и видит перед собой другого нагого мужика. Володя заряжает ему в нос.

Спустя полчаса...

Баян:

Что я тут делаю?

Клавдия:

Ну понимаешь, мы занимались тем самым делом и ты… как тебе сказать… так перестарался, что потерял сознание.

Баян:

Да, я такой. Стоять, а почему у меня течет кровь из носа и что я делаю на грязному полу?

Клавдия:

Так ты же с кровати упал, когда ты делал… Ну это самое….

Баян:

А почему я ничего не помню?

Клавдия:

Я сейчас тебе напомню, что мы делали.

Сцена третья

КРЫЛЬЦО У ДВЕРЕЙ ВУЗа

Где-то через час после отъезда Баяна Утюгов и Борматов встречаются у дверей ВУЗа, чтобы попрощаться.

Борматов:

Блин, Василий Васильич. Чет я себя неудобно чувствую перед вами. Это ж из-за меня вы увольняетесь получается… Да и я этого Подмазюка не прессанул как следует! Чтоб он молчал!

Утюгов:

Борматов, и думать забудь! Ты че? Я сам ухожу. А, Подмазюк… Знаешь, за каждым таким Подмазюком не уследишь. Ты все сделал правильно. Хоть этот гандон Баян за Дубинского добазарился как-то и тот скоро вернется… Вроде как уже завтра…

Борматов:

Да…

Пару секунд молчания.

Утюгов:

Ты че раскис то, Борматов?! Заходи в магазин спортивный как-нибудь! Велик тебе на лето подберем!

Борматов как-то сразу перестает грустить, чувствуя так и льющийся заряжающий позитивный настрой Утюгова.

Борматов:

Да, зайду я, Василий Васильич!

Утюгов:

Давай, Борматов! Удачи тебе тут. Ты хороший и порядочный парень.

Борматов и Утюгов жмут руки. Утюгов уходит. Борматов смотрит ему вслед до тех пор, пока тот не садится в свою Ладу Ларгус и не уезжает, при этом два раза посигналив на прощание. После этого, Борматов заходит в ВУЗ и направляется на свою пару.

Сцена четвертая

КАБИНЕТ БАЯНА

На следующий день Дубинский возвращается в университет. Первым делом он идет к Баяну. Дубинский стучится и входит в кабинет Баяна не дождавшись ответа. Баян считает взятки, разложив весь нал на столе.

Баян:

Дубинский! Добрый день! Вот, считаю тут дары первокурсников с того месяца, которые мы с вами заполучили. Но вы в следующий раз то стучитесь, а то мало ли кто тут зайдет то.

Дубинский:

Да, эт самое. Уволиться хочу я.

После этих слов Баян аж роняет стопку пятитысячных купюр. Нервный импульс содрогнул все его тело, и что-то кольнуло в подорванном сигаретами и коньяком сердце.

Баян:

Так.. Что? Не понял, в каком смысле? Отпуска месячного не хватило после всего этого? Или смерть Тютюшкина Вас так расстроила?

Дубинский:

Я просто хочу уволиться! Я понял, что я очнулся и понял, что так больше не могу.

Баян находится в полном смятении. Пожалуй, до этого похожий спектр чувств он испытал лишь однажды, когда обнаружил у своей очередной проститутки кадык. Но ситуация с Дубинским была куда более запредельной, потому что рушилось полностью все.

Ведь Дубинский уволится и будет при этом до конца своих дней знать о всех коррупционных схемах Баяна. Он будет знать, что выделенные на ремонт университета деньги были почти все потрачены на эксклюзивную коллекцию алкоголя, на авторский портрет Баяна на коне во всю стену, который еще был и в позолоченной рамке, но висел при этом на выцветших обоях в советской девятиэтажке 121 серии 1987 года сдачи, на какой-то немыслимо дорогой фарфор, пылящийся в серванте, на коллекцию костюмов Армани, висящих в старом югославском шифоньере, которые он так ни разу и не надевал и половину которых уже сожрала моль, на алебарду в немецком стиле XI века, которая висела у него над кроватью и иногда падал ночью на его проплешину и, наконец, на резиновую куклу в виде Памелы Андерсон!

«О, нет! Только не это!»

Баян:

Так, что значит уволиться?! Ты забыл кто тут бабки тебе платит, кто тебя тут пристроил и из каталажки вытащил недавно?!

Дубинский:

Я понял, что я так не могу больше! Увольте меня! Я всю жизнь занимался не тем, чем хотел сам, а тем, что от меня хотели другие! Потому что слепо верил им и любил их! Не имел своего стержня, чтобы что-то возразить и сделать по-своему! А потом я это понял, но решил сломаться окончательно и поплыть по течению. Но я так больше не хочу! Хочу исполнить свою мечту и стать лесником! Я сегодня же ухожу в лес!

Баян:

Лесником?! Ты совсем мудак?! У тебя тут деньги есть, делать ничего не надо, сиди и радуйся!

Дубинский:

Это все неправильно!

Баян:

Знаешь че, «неправильно»?! Ты лох конченный и всю жизнь тебя все и использовали! Очнуться решил?! Раньше надо было брать все в свои руки, срать на всех и

хапать как можно больше и все что плохо лежит! Но ты так не можешь, потому что ты баран! Вали отсюда! Уволен!

Дубинский ничего не отвечает, разворачивается и уходит из кабинета.

«Вот гавнюк! - думает Баян. - Ну, ниче, блин. Я своим людям позвоню они его назад на зону определят! И там его кто-нить пырнет, да и все! Ниче он там никому не ляпнет, если что! Да и кто ему поверит?! Блин, че так сердце то болит, сука?!»

Сцена пятая

КОРИДОР

Баян решает проветриться и идет на улицу. И вдруг, как гром среди ясного неба, навстречу ему по коридору идет тот самый отчисленный семь лет назад студент Полянский, которого он боится страшнее, чем положительного теста на гонорею. Он как ошпаренный вскрикивает и отпрыгивает назад.

PSP Баян конфисковал так же как и айфон, когда она только вышла в продажу. На собраниях он часто играл в need for speed и часто орал «блять, я второй!».

Один раз он случайно нажал кнопку увеличения громкости и в микрофон заиграла музыка Xzibita. Участники инновационного форума смотрели, как он что-то дергает под столом, и от места, где он сидит, исходят странные звуки.

Баян:

А! Аха-ха! Полянский…

Полянский:

И вам не болеть, Владимир Сергеич!

Но почему же Баян так боится бывшего студента Полянского и за что он его когда-то отчислил?

Сцена шестая

КАБИНЕТ БАЯНА

(Воспоминание)

Баян сидит и играет в PSP. Внезапно, без стука, к нему в кабинет врывается студент Полянский. Баян откидывает приставку в сторону.

Баян:

Это чего такое еще!? Как к ректору заходим?! Стучаться то забыли?!

Полянский:

Это я тебе сейчас настучу, козел старый!

Баян теряет дар речи и, пытаясь что-то сказать, чуть не давится слюной. Он вскакивает со своего стула и подходит ближе, в центр кабинета.

Баян:

Эт! Что! Кхе… Кха… Сука! Эт что такое еще?! Ты себе что позволяешь, щенок?!

Полянский:

У тебя че преподы к студенткам пристают?! Ты считаешь нормально таких у себя в ВУЗе держать?!

Баян в гневе. Он решает наорать на Полянского и напугать его до смерти какой-нибудь страшной небылицей.

Баян:

Слышь, борзый до фига? Быдлота позорная! Я в тюрьме сидел, когда, вас таких только так гонял! Я ща позвоню куда надо, тебя отсюда на нары заберут!

Полянский бесстрашно подскакивает к Баяну, ударяет его по роже, валит на ковер и заламывает руки сзади, садясь и придавливая его коленями сверху. Баян ничего не может сделать и истошно орет.

Баян:

Отпусти, ааа!!!! Ну… пожалуйста!!! Больно, ааа!!!!

Полянский:

Кого ты лечишь?! В тюрьме он сидел. Ты в тюрьме бы и дня не прожил, брехун позорный!

Баян:

Отчисляю!!! Ааа!!! Больно, отпусти!!! Тебе не поздоровится, сученыш!! Понял меня?!!!

Полянский:

Это тебе не поздоровится! Значит так, оленевод! Сейчас пишешь заявление об отчислении на меня - Полянского и мою девушку - Ирину Кузнецову, группа НН-225, к которой твой конченый препод приставал, и которому я нос разбил только что, после чего он заплакал и домой убежал!

Полянский, держа Баяна, дотягивается до стола, берет две бумажки и ручку, после чего освобождает ему правую руку и кладет перед его лицом принадлежности для письма.

Полянский:

Пиши, падла! Я поступлю на налогового инспектора в другой институт, отучусь и приду за тобой! Тебе то точно есть, что скрывать, жук навозный!

Внезапно в кабинет входит секретарша Баяна.

Секретарша:

Ой, Владимир Сергеич!

Баян:

Ниночка!

Ниночка:

Вы тут опять с мальчиками своими развлекаетесь?! Извините, тогда попозже зайду!

Секретарша Ниночка резко захлопывает дверь и убегает.

Баян:

Да, стой ты, д-у-р-а-а тупа-а-а-я!!!

Полянский ударяет Баяна в спину.

Полянский:

Ты написал?!

Баян:

Написал я!!! Написал!!! Отпусти, сукин сын!!!

Полянский отпускает дрыгающегося Баяна и резко встает. Затем берет заявления с пола и кладет их на стол. После чего он молча выходит из кабинета.

«Вот ублюдок малолетний!! Руки мне чуть не сломал! Сука, как больно то, а!»

Баян кое-как подымает свою тушу с пола и ползет к дивану. Взгромоздившись на него, он судорожно погружается в поток мыслей: «Да кого он там сделает?! Сукин сын! Придет он за мной! Я сам за кем хочешь приду, у меня в налоговой знакомых как вшей у собаки уличной!»

Но на самом деле Баян, конечно, боится. Ведь кадры и в налоговой тоже меняются. И кто его знает, чем черт не шутит…

Сцена седьмая

Коридор

(Наше время)

Что ж Вы встали как вкопанный, Владимир Сергеич?

Баян стоит в полном оцепенении. Сердце начинает щемить еще сильнее, холод и дрожь идут по всему телу.

Полянский:

Я же говорил Вам, что я вернусь?

Баян:

А? Да.. Говорил.. что вернетесь…

Полянский:

Баян, скажи, вот серьезно?! Резиновая Памела Андерсон?!

У Баяна душа в пятки уходит. «Откуда… как… как он узнал…»
Он напрягается, чтобы ответить.

Баян:

Ты как.. Откуда узнал?!!!

Полянский:

Да, мы два часа назад в твоей квартире обыск провели!

Баян начинает чувствовать сжимающую боль в груди.

Полянский:

И, кстати, все о твоих коррупционных проделках уже известно.

Баяну становится тяжело дышать. Боль достигает предела и спазматически сдавливает всю грудь, расползаясь при этом и в плечи, и спину, и в левую руку. Он пытается что-то выкрикнуть, но не может.

Вдруг, наступает состояние полнейшего коллапса.
Баян обрушивается всем телом на пол и… умирает.
Полянский стремглав бросается к нему, чтобы проверить пульс. Убеждается, что пульса нет. Затем он медленно, как бы с сожалением, поднимается на ноги и глубоко вздыхает.
Он оглядывает Баяна, коридор и произносит финальную фразу.

Полянский:

Ну, вот! Вчера тещу похоронил, а сегодня баян порвал!

Дорогой читатель!

Благодарим тебя за прочтение нашей пьесы!

Если тебе стал интересен ход нашей мысли и ты хочешь узнать более подробно о мире наших книг, то ты можешь написать нам или же напрямую связаться с ректором Баяном В. С. по этому адресу:

yashikbayana@gmail.com

P.S. он может быть агрессивен и писать с ошибками, так что особо полезного ничего ты от него не узнаешь.

«Эта книга стала основанием для развития моего гения»

Наполеоен Торт

«После прочтения напрашивается вывод о том, что краски меняются, а суть драмутргии - нет»

Цезарь Салат

«Тяжелая пьеса, читать было сложно, на уровне фильма «Реквием по мечте»

Тимур Бекмаммбетов

«После прочтения пьесы я понял, что все, что я делал - полная чухня, пойду повешусъ»

Витя Пелевин

Ищите нас в социальных сетях

vk.com/full_aliens
yashikbayana@gmail.com

